

Профессор Протоиерей
В.ЗЕНЬКОВСКИЙ

НА ПОРОГЕ ЗРЕЛОСТИ

Беседы с юношеством о вопросах пола

Редакция "ВОСКРЕСЕНИЕ"
Москва — 1991

Предисловие ко второму изданию

Выпуская в свет второе издание моей брошюры, я слегка изменил ее заглавие. Вместо прежнего заглавия: "Беседы с юношеством о вопросах пола", я поставил иное: "На пороге зрелости". Но не только заглавие претерпело изменение, но и само содержание книжки совершенно переработано, почти целиком наново написано.

Книжка моя обращена к тем, кто работает с подростками и ранним юным возрастом; ее задача дать им материал, который необходим для бесед по столь трудному и ответственному вопросу, как темы пола. Не претендуя на то, чтобы объять эти темы во всей их полноте, я касаюсь только существенного в них. Задача книжки — наметить руководящие указания, опираясь на данные современного знания, а вместе с тем осветить затрагиваемые темы с христианской точки зрения.

Протоиерей В.Зеньковский
Август 1953 г.

ВВЕДЕНИЕ

До последнего времени было принято обходить тему пола в беседах с молодежью, т.е. фактически предоставлять молодежи знакомиться с этой темой на основании случайных, часто двусмысленных источников. Между тем уже давно вопросы пола занимают выдающееся место в литературе, в газетах и журналах, в театре и кино. Рекламы и объявления (даже на посторонние темы) стремятся возбудить половое сознание, раздражают его — и от этого не укрыться. Без преувеличения можно сказать, что молодые поколения ныне более, чем когда бы то ни было, осуждены на то, чтобы быть втянутыми в ту нездоровую половую напряженность, которая характерна для нашего времени. Если верно, что пол всегда мучил людей, то ныне он мучит их с особой силой; во всяком случае, без конца беспокоит и давит. Именно потому и важно помочь молодежи разобраться в этой области, помочь найти правильный путь в жизни. Есть единственный способ овладеть игрой бессознательных сил в душе — это осветить их в сознании спокойно и трезво, уяснить себе смысл и скрытую динамику этих явлений. Посильно послужить молодежи в этом направлении и является задачей настоящей книги. Здесь особенно важно усвоить себе мысль, что не все, что в человеке "естественно", т.е. что возникает и зреет независимо от нашего сознания, в подлинном смысле естественно. Ведь и всякого рода извращения появляются тоже "естественно", но тем не менее они не просто извращения, они всегда являются причиной тяжелых и мучительных болезней. В том-то и слепота наша, что мы не сразу разбираем, что следует признать "естественным" в подлинном, здоровом смысле слова, а что, хотя переживается как "естественное движение души", является уже проявлением болезненного уклона, душевного вывиха. Сколько лишних страданий мучат людей оттого, что они не овладели вовремя той борьбой света и тени, правды и неправды, которая начинается уже в раннем возрасте... В последние десятилетия возникла целая школа психопатологии, которая видит главную причину нервно-психических заболеваний (конечно, кроме так называемых органических душевных заболеваний) в неправильностях жизни пола. Если это и преувеличено, то нельзя все же отвергать огромной правды того, что выдвинула указанная школа. Поистине, ничто так не важно знать для суждения о человеке, как то, как

сложилась в нем жизнь пола: здесь лежит ключ к самым основным, решающим фактам нашей жизни.

Можно задать себе вопрос, отчего сфера пола в человеке таит в себе столько тяжелого и мучительного? Ведь все остальные функции нашего существа обычно развиваются нормально и не вызывают никаких осложнений именно в нашей душе; только в сфере пола тело и душа так глубоко связаны, так неисследуемо, почти таинственно влияют друг на друга, что благодаря этому сфера пола и получает первостепенное значение в правильном устройении нашей жизни. Мы постараемся осветить достаточно подробно этот капитальный вопрос. Пока же подчеркнем, что как раз со сферой пола и связано в человеке и самое темное, и самое жуткое, но в то же время и самое светлое, и самое творческое в нем. Владимир Соловьев когда-то очень правильно сказал, что когда человек находится во власти эроса, тогда "и небо и ад с одинаковым пристальным вниманием следят за ним". Действительно, мы либо возвышаемся и светлеем от того, что разгорается в человеке, когда в нем "играет" пол, либо падаем в настоящую бездну греха и преступлений. Правильное устройство жизни пола является, таким образом, задачей, мимо которой не может пройти ни один человек. Это нужно твердо помнить и не относиться к теме пола легкомысленно, не прибегать к случайным, часто двусмысленным, а иногда просто отвратительным материалам, которыми заполнена в этом отношении современность.

Большим осложнением является здесь то обстоятельство, что жизнь пола во многом как бы закрыта от нас, словно нуждается в психических сумерках, как это верно изображено в античной легенде о Психее и Амуре. В духовно здоровой среде это имеет, между прочим, свое положительное значение, но в условиях современной жизни и особенно в больших городах с их душной, напряженной жизнью, с их отравленностью различными ядами указанное обстоятельство получает, наоборот, отрицательное значение. Это связано больше всего с преждевременным пробуждением интереса к вопросам пола, причем этот интерес неизбежно усиливает работу воображения. Действительно, ни от чего не страдает так молодежь (да и одна ли молодежь?), как от той усиленной работы воображения в сфере пола, от того тайного любопытства и внутреннего напряжения, которые ослабляют всякий самоконтроль. Ничто не кажется мне столь опасным, как это явление — как раз в силу того, что болезненное развитие воображения (французы называют его *mythomanie*, мифомания), не стесненного здравым смыслом, духовной трезвостью, становится источником всякого рода психических неправильностей. На почве внешнего умолчания, с одной стороны, и острого внутреннего любопытства к теме пола, с другой стороны, часто вырастает в юной душе жажда раздражений и возбуждений в сфере пола, что чрезвычайно подрывает духовное и нервно-психическое здоровье.

Я глубоко убежден в возможности такой духовной установки в молодежи, которая, не подавляя и не уродуя ни одного естественного движения, может вместе с тем обеспечить здоровое развитие всех сил в человеке, может организовать внутреннее равновесие в душе. Путь чистоты, о котором дальше идет речь, не есть утопия, не есть наивность или уход от жизни, а наоборот, есть путь здорового, трезвого "устроения" в нас таинственной и творческой силы пола. Надо иметь в виду, что не только интересы здоровья, но еще больше интересы творчества и раскрытия личностью ее внутреннего мира зовут нас на этот путь чистоты. Задачей настоящего этюда как раз и является показать, что путь чистоты, будучи требованием морального сознания, диктуется вместе с тем всем современным знанием о человеке. В глубоком желании пойти навстречу нашей молодежи в самом трудном и существенном вопросе, встающем перед ней, когда она находится уже на пороге зрелости, я посвящаю эту книгу всем моим молодым друзьям, которым я столь обязан в своей жизни.

ГЛАВА I

В прежнее время господствовало убеждение, что человек построен "гармонически", т.е. что естественное удовлетворение его потребностей само по себе создает внутреннее равновесие, определяет внутреннюю гармонию всех функций. Это убеждение (отразившееся в свое время на определении задачи воспитания как задачи "гармонического" воспитания всех сил в человеке) должно быть признано совершенно ошибочным — прежде всего потому, что человек построен вообще не гармонически, а иерархически. Это значит, что развитие одних функций находится в зависимости от развития других, что замедленность или, наоборот, усиленное развитие одной функции губительно отражается на других. Есть функции первичные, основные, есть функции вторичные, производные. Развитие человека не дает картины одновременного, ритмического развития всех сторон его существа, наоборот, в развитии человека постоянно имеет место аритмия, дисгармоническое несоответствие одних сторон другим. Но, кроме иерархичности, в самом строении человека существует неравномерность и в том значении, которое принадлежит разным функциям в общем ходе развития человека; это особенно ясно выступает в том значении, какое имеют болезни тех или иных органов. Так, болезни нервной системы или сердечной деятельности могут привести к роковым последствиям для человека, а болезни кожи, например, или зубов, за редкими исключениями, вовсе не ставят под опасность нашу жизнь.

Конечно, раз в человеке существует какой-либо орган, имеется какая-либо функция — они должны получать свое удовлетворение, но чем выше орган или функция в человеке, тем сложнее стоит вопрос об их удовлетворении или проявлении. С особой, ни с чем не сравнимой силой это сказывается как раз в сфере пола, которая принадлежит к числу основных и даже центральных сфер в человеке. Чтобы разобраться во всей сложности жизни пола в человеке, надо принять во внимание огромное различие между энергией пола и половой энергией — это вовсе не одно и то же. Под энергией пола надо разуметь все то, что рождается от сферы пола (и в теле, и в душе), что, в общем, соответствует понятию творческой силы в человеке [1], половая же энергия связана с деятельностью половых органов в человеке. Уже из этого определения ясно, что понятие энергии пола шире понятия половой энергии; действительно, вовсе не вся энергия пола переходит в половую энергию. Большая, может быть, самая значительная часть энергии пола, не переходя в половую энергию, как бы минует половую сферу, уходит в другие сферы нашего существа. На этом зиждется все огромное значение полового воздержания, которое как бы освобождает энергию пола для творческого использования ее в высших формах психической жизни. То, что в современной психологии именуется "сублимацией", как раз состоит в том, что половая энергия может как бы вновь переходить в общую энергию пола и тем освобождаться от связи с деятельностью половых органов. Парадокс сферы пола, среди других функций в человеке, в том и заключается, что полное половое воздержание, т.е. решительное отсутствие удовлетворения половой потребности, оказывается, вовсе не разрушает жизни человека, а наоборот, часто является предпосылкой настоящего расцвета высшей творческой жизни в человеке.

Все только что сказанное опирается на современное знание о человеке и особенно на данные психопатологии — но то же учение о человеке всегда развивало и христианство. Христианство не только утвердило принцип моногамии, решительно осудив многоженство, не только способствовало гуманизации отношений между мужчиной и женщиной, одухотворило эти взаимоотношения, но оно высоко подняло идею девственности. И в языческих религиях найдем мы культ девственности при некоторых видах религиозного служения (вспомним о "весталках") — но в христианстве самый принцип девственности

получил новое значение как раз в силу нового, высокого понимания брака. С самого своего начала христианство осудило всякое гнушение браком, освятило брачные отношения (ср. чудо в Кане Галилейской. Иоан. 2,1-11), а потом создало особое таинство бракосочетания. Поэтому принцип девственности в христианстве вовсе не противопоставляется браку, а является как бы параллельным, хотя и иным путем движения человека к Богу. И на путях семейной жизни, и на путях девственности человек может идти к Богу — но именно потому принцип девственности в христианстве включает в себе некое особое откровение о человеке. Смысл этого откровения вырисовывается перед нами дальше, когда мы займемся вопросом о девственности и о монашестве, сейчас же подчеркнем, что и все современное знание о человеке, в частности, медицина, тоже высоко ценит физическую чистоту (т.е. чистоту в сфере пола). Физическая чистота признается всеми ценнейшим подспорьем для жизненного расцвета личности, является для человека величайшим благом, источником духовной силы и крепости.

Но в христианстве есть еще одно важное откровение о человеке (тоже совпадающее с тем, что дает современная психопатология) — о целительном значении исповеди, в которой отпускаются наши грехи. Если потеря физической чистоты, нарушение девственности невознаградиво, то о потере душевной чистоты надо сказать, что эта чистота восстанавливается через покаяние. Это есть чрезвычайно важный факт с точки зрения духовной гигиены и еще более в интересах морального развития в человеке. Нельзя считать непоправимой утерю душевной чистоты; грехи, совершаемые в юности часто по неведению, часто по легкомыслию, не остаются тяжким бременем для человека. Надо признать глубоко вредным заблуждение, что будто бы нет прощения совершенным грехам. Сколько молодых людей впадают от этого либо в отчаяние и перестают бороться со своими дурными склонностями, либо — и это бывает еще чаще — впадают в цинизм, высмеивают и в себе и в других все светлое и чистое, ибо не имеют надежды на лучшее, не верят в самих себя, ибо не знают того, что дает нашей душе исповедь и отпущение греха. Невосстановима только утеря физической чистоты (почему надо всячески избегать добрачной половой жизни), но чистота души, живая радость творческого движения вперед восстановима, если только мы покаемся в своих грехах. В этом наше спасение от того, во что вовлекло нас неведение или легкомыслие.

* * *

Проследим теперь бегло основные ступени в жизни пола, в развитии его.

Первые проявления половых движений в человеке можно заметить очень рано — быть может, даже на первом году жизни (надо только избегать здесь натянутых толкований Фрейда). До полового созревания (у девочек до 11-13 лет, у мальчиков до 12-14 лет) жизнь пола носит, как принято говорить, недифференцированный характер. Телесные органы пола развиты очень мало, все тело имеет "эрогенный" характер, т.е. может служить источником полового возбуждения. Половое же созревание состоит в том, что на первый план выступает так называемая генитальная зона, т.е. зона расположения телесных органов пола. Правда, и до полового созревания эрогенность всего тела нередко создает преждевременную половую жизнь. Говорю о тайном пороке у мальчиков: подростки путем раздражения тела и органов пола стремятся вызвать у себя половые переживания. В действительности это есть глубочайшее извращение пола: ведь смысл пола заключается в соединении с существом другого пола. Но рядом с преждевременным развитием телесных половых движений часто наблюдается и преждевременное развитие половой психики. Порой уже в 9 лет дети разыскивают порнографические картинки, грязную литературу, с нездоровым любопытством присматриваются к жизни взрослых.

Но все это сменяется в годы полового созревания бурными проявлениями новой силы, захватывающей всецело и тело, и душу начинает развиваться сфера пола с такой стремительностью и напряженностью, что это совершенно меняет всю духовную установку подростка [2]. Особенно важно здесь то основное расщепление в нашем существе в это время, которое находит свое выражение в двух различных полюсах сознания. На одной стороне сосредоточивается сексуальность, которая обнимает чисто телесную сторону пола, а также те психические движения, которые связаны с этой телесной стороной пола, а на другом полюсе обособленно, а иногда в резком отвержении сексуальности выступает эрос, т.е. искание любви, приводящее в движение всю психику, весь духовный мир, озаряющее душу поэтической мечтой о любимом существе. И эрос, и сексуальность одинаково являются цветением пола в нас, но их разъединение и расщепление, а иногда их взаимное отталкивание с достаточной ясностью вскрывают сложность пола как духовно-телесной силы. Пол в человеке действительно есть огонь в нем, питающийся от того пламени, который горит в глубине человека, как сила жизни в нем, и этот огонь горит (хоть и не с одинаковой силой) и в сексуальных движениях, и в тончайших проявлениях эроса. Единство источника того и другого ставит поэтому остро и неустранимо вопрос о единстве этих двух проявлений пола; потребность такого единства заложена именно в том, что источник двух различных проявлений пола — один и тот же. Тут перед нами встает некий закон в структуре человека: это закон цельности, состоящий в том, что неотвратимо и непреодолимо живет в человеке потребность внутреннего соединения сексуальности и движений любви. Действительно, самые развращенные люди, как бы до конца ушедшие в одну чистую сексуальность, испытывают время от времени мучительную тоску о любви.

Итак, единая основа пола при созревании поляризуется — дает временное расщепление сексуальности и эроса. Проследим теперь их развитие в этой первичной разделности их [3].

Половое созревание локализует половую энергию в телесных органах, и отныне телесная сторона пола приобретает законченный, определенный характер, выдвигается на первый план. Этим самым как раз и создается сексуальное сознание; то, что мы называли до сих пор "сексуальностью", охватывает поэтому и объективное созревание (развитие органов пола), и самое сознание сексуальных движений. Обе стороны сексуальности связаны очень тесно, можно сказать интимно, но сексуальное сознание может быть при этом расплывчатым и неясным (в чем и состоит психическая "чистота" в это время — преимущественно у девушек, а иногда и у юношей). В силу особенностей физиологическо-анатомического характера в мужском организме сексуальное сознание у юношей всегда ярче и отчетливее. Именно потому работа воображения у юношей гораздо более активна и ярка в сфере пола и если к этому прибавить те разговоры, которые ведут между собою юноши, даже мальчики, то становится понятной опасность "загрязнения" воображения у них. Но независимо от того, расплывчато или более определенно работает сексуальное воображение, само половое созревание вызывает глубокие перемены в юном существе. Духовный сдвиг, который здесь происходит, заключается в том, что подростки, еще недавно с увлечением отдававшиеся разным социальным движениям в душе (подражание старшим, уход от семьи в среду товарищей и подруг, развитие внешнего авантюризма, влюбленность в "героев" и т.д.), ныне уходят в себя, замыкаются в себе, часто чуждаются общества, ищут "друга". Подростки становятся снова, как в раннем детстве, эгоцентричны, они впервые осознают свое "я" в отделении или противопоставлении окружающим, сознают в себе "личность". Исходной основой многих душевных движений является ныне сфера "подсознания", которая завладевает душой, сознание же не справляется с игрой тайных сил, зреющих в юном существе, не овладевает ими — отсюда постоянные противоречия в это время, частая претенциозность, мечтательность, легкая раздражаемость, развитие фантастики. Подростки часто сами не знают, чего хотят.

Развитие сексуальности как таковой, т.е. само половое созревание и развитие сексуального сознания идет в указанной форме в первые три-четыре года, а затем оно принимает более спокойный характер и перестает быть источником противоречивых движений и душевного беспокойства. Но в эти же первые три, четыре года полового созревания развивается — рядом с развитием сексуальности — и потребность любви, зреет эрос. Иногда обе эти сферы (сексуальность и эрос) не слишком отделяются одна от другой (хотя пути той и другой разные), а иногда они очень расходятся друг от друга, как бы мешают друг другу. Как существует чисто сексуальное воображение, так и в сфере эроса воображение становится могучей силой, получающей огромное питание, особенно от искусства. Эрос прорывается первоначально в юной задумчивости, в меланхолической мечтательности, ищет своего питания в чтении романов. Это действие искусства на развитие движений эроса много раз изображалось в литературе, причем должно заметить, что тема эта вовсе не исчерпана — так глубока и значительна она. Во всяком случае, все знают особенности этого периода, в течение которого эрос как бы расправляет свои крылья. Девочки хотят "нравиться", начинают усиленно заботиться о своей наружности, ищут общества мальчиков, вообще становятся "маленькими женщинами", влюбляются, начинают ревновать и т.д. А мальчики напряженно стремятся показаться старше своих лет, подражают тем, кто им кажется ярким человеком, тоже влюбляются (или играют во влюбленность). Вообще движения эроса в этот первый период пугливы, застенчивы, как бы ищут "препятствий", чтобы укрыться в них, закрыть от других движения эроса; они смешны извне, но часто трогательны в своей свежести и почти всегда подлинно поэтичны. Тургенев превосходно изобразил это в рассказе "Первая любовь" — и как раз у него отчетливо показано, как эти первые движения любви чужды сексуальности. Хотя сексуальность и эрос растут из одного и того же корня, хотя позже с чрезвычайной силой проявится потребность слияния эроса и сексуальности, духовной любви и телесной близости, но пока оба тока движутся не только отдельно, но нередко во взаимном отталкивании. Потребность любви нередко переживается в линиях чистой "спиритуальности"; по выражению русского поэта, "только утро любви хорошо". Тут, конечно, нет никакого "гнушения" телесной стороной, вся суть здесь в той могучей потребности идеализации любимого существа, которая является движущей силой эроса и принадлежит к числу основных потребностей нашего духа. В этом и заключается огромное творческое значение переживаний любви — именно в них и через них вырастают эти могучие крылья, которые возносят дух в горний мир. Нет никакого святотатства в том, что любимое существо кажется в это время божеством — это вовсе не риторика, а действительное переживание, характерное для "утра любви" и реализующее в нас жажду бесконечности. Конечно, на этом пути всегда ждет нас опасность "донжуанизма", суть которого заключается в том, что Дон-Жуан ищет именно "переживаний" любви, а не стремится к предмету любви, т.е. не отдается всецело любимому существу, но бросает его, чтобы вновь пережить "утро любви". Эта погоня за новыми и новыми переживаниями любви становится под конец у Дон-Жуана неким проклятием, в ней есть "дурная бесконечность", погоня за призраком, ибо реальная любимая женщина Дон-Жуана не удовлетворяет. Впрочем, в том истолковании донжуанизма, какое дал Алексей Толстой в своем "Дон-Жуане", можно видеть некую (искусственную, конечно) его апологию. Но верно здесь то, что движения эроса действительно диктуются духовной потребностью, т.е. потребностью идеала. Но именно потому и возможно, что движения эроса могут чуждаться всякого элемента сексуальности. Владимир Соловьев на эту тему написал замечательный этюд под названием "О смысле любви" — после платоновского "Пира" это единственная гениальная вещь в мировой литературе по философии эроса.

Шопенгауэр с присущей ему остротой мысли утверждал, что движения эроса суть только "фиговые листочки", которыми наше сознание закрывает от себя истинный смысл любви, который будто бы заключается просто в половом сближении. Это презрительное

обозначение движений эроса "фиговыми листочками" не только ложно, но оно как раз совершенно переворачивает соотношение двух сторон в сфере пола. Движения эроса не только не суть "фиговые листочки", но они как раз и образуют истинный корень всего — сексуальность же есть только транскрипция в телесной области того, что исходит от исканий любви. Последняя сущность пола как раз и состоит в искании любви, что есть центр и основа того огня, который горит в человеке; сексуальность же есть только выражение в сфере телесной этих внутренних движений. Как тело вообще есть инструмент души (и в этом смысле справедливо может быть названо частью души, а не наоборот), так и сексуальность лишь передает и выражает то, что загорается в душе, как инструмент, который своими звучаниями передает мелодию, на нем разыгрываемую. Правда, есть формы влюбленности, которые как бы оправдывают мысль Шопенгауэра, в которых бьется пульс сексуальности слишком сильно, но это менее всего типично для юного возраста и всегда свидетельствует о нарушении нормального соотношения между сексуальностью и эросом. Пресловутый Sex Arreal есть, конечно, реальное явление, но он всегда связан с нездоровой психологией — для обеих сторон.

Чтобы до конца понять соотношение сексуальности и движений эроса, понять их временное расхождение и вместе с тем глубокое внутреннее единство, надо посчитаться с одним законом психологии, который я называю законом "двойного выражения чувства". Суть этого закона, установленного первоначально [4] для сферы чувств, но имеющего более общее значение в современном учении о человеке, заключается в том, что все движения чувств и все глубокие волнения, исходящие из самых недр человеческого существа, ищут двойного выражения — телесного и психического (лучше сказать физического и душевно-духовного). Примером этого двойного выражения может служить любое чувство, хотя бы страх — то, что мы переживаем как страх, выражается в ряде телесных сотрясений (общая телесная депрессия, доходящая иногда до сердцебиения, до обморока, бледность, дрожание конечностей, ослабление голоса и т.д.), но одновременно разливается по своим законам психическая волна, которая вызывает определенные переживания страха (напряженность, чувство жуты, психическая депрессия, доходящая до ослабления памяти и воли, растерянность). Эта психическая волна ищет своего "выражения" через работу воображения (что хорошо подмечено в словах "у страха глаза велики"), а через воображение влияет и на весь наш духовный состав. Но суть указанного закона не только в констатировании двойного выражения чувств или глубоких душевных движений, а еще в том, что одно выражение (например, телесное) не заменяет другого (душевно-духовного), не может и заменяться им. Это выступает с полной силой, когда какое-нибудь одно выражение (например, телесное чувство) стеснено или подавлено: в этом случае его энергия не уходит в другое его выражение (например, душевно-духовное) — подавленность одного выражения определяет подавленность и другого. Фрейд принадлежит честь открытия того, что наше подсознание таит в себе ряд таких "комплексов" — желаний, отодвинутых вглубь нашего существа переживаний.

Обращаясь к сфере пола в свете закона двойного выражения, мы легко поймем, что сексуальность и эрос нормально должны развиваться параллельно, друг друга обогащая, но друг друга не заменяя. Мы говорим о нормальных проявлениях жизни пола, но то "расщепление", та разделенность сексуальности и эроса, о которой шла выше речь и которую можно назвать "естественной болезнью" периода созревания, связана как раз со взаимной незаменимостью и неустранимостью обоих проявлений жизни пола. В следующей главе мы убедимся в том, что естественное для юности расхождение сексуальности и эроса есть все же болезнь, дефект, что как раз в семье, в брачной жизни восстанавливается цельность в этой сфере. В период же юности, когда идет еще половое созревание, с известной самостоятельностью выступает как сексуальность (включающая в себя, как мы видели, и сексуальное сознание, сексуальное воображение), так и эрос выступает самостоятельно,

порождая ряд новых, творческих движений, в глубине которых приоткрывается перспектива высоких духовных явлений. На этом стоит остановиться.

Когда в сердце человека разгорается любовь, то тот, к кому устремлено сердце с любовью, весь светится каким-то сиянием. Все в мире отступает на задний план, становится второстепенным — душа всецело, порой до экстаза погружена в созерцание любимого существа, которое отныне занимает как бы центральное место в мире. Самые сухие и черствые люди меняются, когда в них вспыхивает любовь, душа размягчается и радуется, как бы обретает крылья. Человек, который любим кем-нибудь, представляется извне ничуть не лучше, не краше других, но для любящего взора он кажется единственным, несравненным, незаменимым. Это и есть та "идеализация", о которой мы уже упоминали. Смысл этой идеализации в том, что сквозь внешнюю оболочку мы, в свете любви, зрим скрытую для других идеальную сторону, которая есть в каждом человеке, как образ Божий, закрытый, а часто и подавленный внешней оболочкой — "характером" (который всегда есть нечто вторичное в человеке, а не его "суть"). Своеобразие, вся сила зрения любви в том и заключается, что мы как бы прикасаемся через любовь к красоте в человеке, скрытой и невыраженной; мы не можем оторваться от нее — хотели бы всегда и во всем быть с любимым человеком. Когда вспыхивает любовь, все иное становится уже на втором месте одно только и важно тогда, одно только мило и дорого быть с любимым, и все, что отделяет или отдаляет от него, раздражает нас. В этих переживаниях любви, конечно, нет еще вхождения в реальную бесконечность (сколько раз бывало, что огонь любви скоро угасает в душе человека!), но в них открывается перспектива бесконечности; мы как бы вступаем в сферу вечного, полного света и жизни бытия — и вне этого все кажется тусклым и ненужным. Душа, хотя бы раз прильнувшая к этой чаше, навсегда сохраняет это переживание душевного подъема, переживание его преображающей, творческой силы. Поистине душа как бы поет, вся уходит в выразимую только музыкально сладость пребывания в лучах вечности, в живом ощущении абсолютной сферы.

Когда в молодой душе начинает "играть" пол, то одновременно энергия пола переходит, с одной стороны, в половую энергию, а с другой стороны, развивается хотя смутное, но глубокое искание блаженной, счастливой жизни, которая открывается в любви. Одно от другого неотделимо, одно другого не устраняет, но центр тяжести в "игре" пола лежит все же не на сексуальности, а на эресе. Надо до конца понять и продумать это положение, чтобы усвоить себе смысл того, что означает пол в человеке — в его глубине, в его огненной, творческой стихии. Именно в движениях эроса, в порывах любви душа испытывает глубокую потребность выйти за пределы своей личности, чтобы достигнуть всецелого соединения с любимым существом. Потребность именно любви свидетельствует о невозможности замкнуться в себе — в любви преодолеваются естественные рамки индивидуальности, разрывается ее "естественная" оболочка. Оттого в порывах любви человек начинает тяготиться самим собой; замкнуться в себе, именно в свете любви, значит осудить себя на одиночество, оказаться в метафизической пустоте. Душа наша неумолимо ищет потому полюбить кого-либо, чтобы в любимом найти точку опоры, найти смысл своего существования. А та сила поэтического воображения, которая присуща любви, и в силу которой мы "идеализируем" любимого человека, является вовсе не каким-то "придатком", действием фантазии, а наоборот, в ней раскрывается глубочайшая жажда духовного порядка, жажда абсолютного бытия. Тут как раз уместно заметить, что все виды любви, какие присущи человеческой душе, восходят к единому источнику: любовь-жалость, любовь-благоговение, хотя не имеют ничего общего с любовью, рождающейся из глубины пола, но все эти виды любви не случайно именуется одним и тем же словом: все это есть любовь, есть выход за пределы своего я, устремление к тому, кого мы любим любовью половой или любовью-жалостью или любовью-благоговением. Не развивая этой темы, отметим, однако, что, очевидно, самая жизнь духа человеческого и состоит в любви: тайна каждой личности

есть тайна того, как, с какой глубиной ищет любви и любит человек. Любовь к матери, к сестре, к жене — как глубоко различны они — и все же это одна и та же жизнь духа. Так как человек создан по закону "полового диморфизма", т.е. принадлежит либо к мужскому, либо к женскому полу, то этот половой диморфизм и вбирает в себя из глубины духа ту исконную потребность любви, которая есть сущность человека. Именно в этом смысле в сфере пола — любви, эросу принадлежит основное значение, а сексуальность есть лишь телесная транскрипция того же движения любви. Понятно отсюда, между прочим, и то, что чем глубже горение любви, тем слабее сексуальность. Вот отчего любовь так часто спасает (особенно в юные годы) от давления сексуальности: любовь несет с собой какое-то благоухание, которое очищает человека, освобождает его от сексуального беспокойства.

* * *

Но раздвоение сексуальности и эроса, которое присуще особенно периоду созревания, есть все же переходное состояние: пол в человеке глубже различия тела и души, он связан с той точкой в человеке, где заложена его целостная основа, но пробуждение пола, половое созревание поляризует его. Эта поляризация, это расхождение (на поверхности) сексуальности и эроса есть "болезнь роста" и требует постепенного восстановления изначальной цельности. Поэтому жизнь пола может найти свое настоящее выражение только в семейной жизни, и вне этого нормальная жизнь пола неосуществима. Мы не говорим сейчас о девственности, в частности, о монашестве — это есть особый путь в "устроении" пола, и об этом мы будем еще говорить. Нормальный же, обычный путь человека ведет его к образованию семьи, и всякая добрачная или внебрачная половая жизнь не может не иметь тяжких последствий для нервно психического и духовного здоровья человека. Удовлетворение же сексуальных желаний вне того внутреннего окрыления, какое дается в любви, есть извращение и искажение закона цельности, заложенного в нашей душе. Вообще раздвоение сексуальности и эроса, естественное лишь в период полового созревания, становится дальше тяжким грехом по отношению к самому себе. Перед всеми открыт путь правильного и здорового устроения жизни пола — путь семьи, и чем раньше юноши и девушки вступают в брак, тем легче дается им внутренняя гармония в их существовании. Конечно, в браке выступают свои, новые трудности, об этом сейчас мы поведем речь, но поскольку дело идет о том, чтобы дать нормальное разрешение всех тех потребностей, которые вырастают из глубины пола, надо признать, что вне семьи это невозможно.

Примечания

- 1. Раскрытие этого понятия составляет научную заслугу Юнга (цюрихский психолог).*
- 2. См. подробности в моей книге "Психология детства".*
- 3. Чтобы не усложнять нашего изложения, мы не входим в очень важные, ныне уже хорошо изученные различия в этой области у мальчиков и девочек.*
- 4. См. о нем подробнее в моей книге "Психология детства".*

ГЛАВА II

Семья, жизнь в браке дают нормальное разрешение всех тех запросов и стремлений, которые связаны в нас с полом. Правда, в наше время стала очень сложна семейная жизнь — главным образом из-за тех экономических трудностей, которые чрезвычайно тяжело ложатся на семейную жизнь и создают уже давно очень тяжелый и опасный для жизни народов кризис семьи. Однако было бы неверно сводить кризис семьи только к одной экономической стороне — он, к сожалению, гораздо сложнее. Но мы не будем входить сейчас в этот вопрос, так как для нас существенно отметить, что только в браке жизнь пола находит здоровое и жизненное свое решение. Иначе говоря, из этого трудного, а часто и мучительного состояния, в котором пребывают юноши и девушки, единственный верный и здоровый путь открывается в браке. И если он почему-либо невозможен или затруднен, то все же вне брака нет никакого выхода, нет здоровой половой жизни — здесь все будет не только уклонением от нормы, нарушением здоровья, но неизбежно становится извращением, расстраивающим самые основы нашей личности.

Жизнь в браке имеет в себе три стороны — биологическую, социальную и духовную, и все эти стороны не просто даны нам, одна рядом с другой, но при нормальных условиях образуют целостное единство. То раздвоение сексуальности и эроса, которое в юности знаменует собою расстройство в сфере пола в этот переходной период, не только здесь совершенно снимается (говорю, конечно, о нормальной семье), не только дает внутреннюю их соподчиненность, но во всей своей соединенности является источником новых сил, раскрывает новый путь жизни. У апостола Павла есть замечательные слова о браке, из которых приведем сейчас только начальные слова. "Тайна сия (т.е. тайна брака), — говорит апостол Павел, — велика есть". Вот эта "великая тайна" брака только там и выступает, где уже совершенно преодолено раздвоение сексуальности и эроса. Где почему-либо это раздвоение сохраняется или где выступает только одна сторона (конечно, особенно часто именно сексуальность), там не только не открывается "великая тайна" брака, но там и искажается его смысл, топчется самое священное и глубокое в людях и извращается нормальный путь человека. Неправильно отождествлять чистую сексуальность с "животной" стороной в человеке (у животных нет никакого разъединения сексуальности и эроса; эрос у них, хотя и очень элементарен, но как еще Дарвин показал, играет большую роль в жизни животных, однако во внутренней нераздельности с сексуальностью), но поскольку эта терминология утвердилась, мы можем ею пользоваться. Мы можем поэтому сказать: одностороннее проявление пола в его "животной" стороне совершенно не раскрывает то, что есть в браке, обедняет отношения супругов и влечет за собой угасание и ослабление высших сил в человеке. А между тем в браке действительно питаются наши высшие движения, расцветают лучшие силы в нас.

Те, кто вступает в брак чистым, целомудренным, впервые в браке постигает тайну телесного единства, и от этого в душе рождается новое благоговейное отношение к телу другого, которое становится как бы священным и святым. Как показывает жизнь, именно от телесного сближения в браке (в нормальных условиях) расцветает в душе глубокое, светлое и радостное чувство любви друг к другу, нежное поклонение и глубокое чувство неразрывности. Именно здесь, в этой точке, опытно познается правда моногамии (единобрачия), вся неправда разводов. Муж и жена могут принадлежать только друг другу — и это встает в сознании не только как требование социальной морали, сохраняющей семейный очаг, но и как некая повелительная и глубокая тайна, постигаемая в браке. Половое сближение не только не может быть отделено от других видов единения, но оно само создает и формирует законченную цельность всех взаимных отношений. Когда между мужем и женой цветет любовь, она сияет во всем и овладевает всем. Малейшая дисгармония

в это время переживается очень болезненно: невнимание, небрежность, равнодушие — даже в самых ничтожных пустяках — вызывает скорбь, тревогу, мучит и обижает. А когда появляются признаки зачатия ребенка, тогда отношения мужа и жены еще более укрепляются в любви к будущему дитяти, в благоговейном трепете перед тайной появления нового человека в свет через близость мужа и жены. Тонкость и чистота взаимной любви не только не стоят вне телесного сближения, но наоборот, им питаются и нет ничего добрее той глубокой нежности, которая расцветает лишь в браке и смысл которой заключается в живом чувстве взаимного восполнения друг друга. Исчезает чувство своего "я" как отдельного человека, и в больших вещах, во внутреннем мире и во внешних делах и муж, и жена чувствуют себя лишь частью какого-то общего целого — один без другого не хочет ничего переживать, хочется все вместе видеть, все вместе делать, быть во всем всегда вместе. Всякая разлука переживается мучительно, как разрыв в этом целостном единстве. Это вовсе не есть торжество сентиментальности, иронически представленной Гоголем в образах Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны ("Старосветские помещики"); здоровая нормальная любовь мужа и жены не только не нуждается в эгоистическом отделении от других, но наоборот, создает особую чуткость к другим людям. Нежная забота мужа и жены друг о друге невольно и естественно создает такую же нежную заботу о других людях: сбросив в семье силу эгоизма, и муж, и жена, каждый сам по себе, становится открытым в своем сердце для всех людей. От благостной связанности друг с другом у обоих супругов рождается социальная чуткость — отсюда величайшее значение семьи в развитии социальных отношений. Для поверхностного и внешнего взора эта огромная сила социально творческой обращенности семьи к миру прикрыта (особенно в наше время) внешней экономической отдельностью каждой семьи. Суровые социальные, экономические условия превращают каждую семью в замкнутый мир, создают подлинный семейный эгоизм. Все это следствие влияния внешних условий, не дающих развернуться тем социально творческим движениям, которые рождаются из глубины семейной жизни. И все же, несмотря на силу экономических и социальных перегородок, источником того тепла, который побеждает холод социальных отношений, смягчает их и движет к "братству" (уподобляя социальные отношения тоже семье), является то тепло, которое накапливается у самой основы семейной жизни.

Тайна семьи, о которой говорил апостол Павел, есть вообще тайна духовного расширения, которое рождается из самых недр семейной жизни. Конечно, глубочайшее значение имеет здесь рождение детей, которое не только несет с собой радость, но и реализует чувство "полноты", которое так ярко выступает тогда, когда муж и жена становятся "родителями": появление в семье детей есть действительно реальное вхождение в сферу бесконечного бытия. От поколения к поколению, от родителей к детям, которым предстоит в свое время тоже стать "родителями", тянется непрерывное единство человечества. Живым свидетельством, живым явлением той бесконечности, которая до преображения космоса во втором пришествии Спасителя раскрывается пока лишь в порядке времени, т.е. в смене одних поколений другими, и является семья. Это вхождение в реальную бесконечность, как она дарована человечеству в его существе, знаем мы все, когда бываем сами детьми, когда, кроме родителей, нас окружают тети и дяди, бабушки и дедушки. Но именно оттого, что это есть бесконечность на земле, она приближает нас к другой бесконечности — к той абсолютной жизни, светом которой светится и сам мир, — к св. Троице. Именно через семью и только через то, что она несет в себе, можно приблизиться к тайне св. Троицы, к тайнам того, что Троичное Бытие Божие есть в то же время Единство. Именно в этом смысле о семье и говорится, что она является "малой церковью": в ней присутствует Бог, семья становится клеточкой церковного организма, т.е. клеточкой тела Христова. Оттого в здоровой, правильной семье расцветает в человеке духовная его сторона; как некая "домашняя церковь" (выражение ап. Павла), семья живет благодатной силой,

которая ей дарована Богом. Здесь, кстати, нужно отметить, что несмотря на постоянные трудности, возникающие в семье из-за внешних (преимущественно экономических) условий, Церковь не повторяет для тех же супругов таинства бракосочетания (как повторяет таинство покаяния, св. Причастия). Благодать, даруемая в браке, никогда не может быть исчерпана, она всегда пребывает в семье и с семьей. Благоухание такой христианской семьи, ее непобедимая духовная сила сияют не только внутри семьи, но выходят и за ее пределы. Те, кому не дано было иметь свою семью, духовно согреваются обычно возле чужой семьи, и, может быть, именно таким одиноким людям дано видеть и переживать всю великую правду, всю удивительную тайну семьи — более даже, чем тем, кто имеет свою семью.

Но и в этом высшем своем цветении семья остается цельной. Нет в семейной жизни отдельных сфер — отдельной телесной, социальной, духовной близости; здесь одно откликается в другом, одно отражается в другом, все связано очень внутренне и интимно, и какая-либо боль в одной стороне очень чувствительно дает себя знать и в других сферах. Семья есть нормальное раскрытие тайны пола в нас; для семьи, для семейной жизни дан нам пол, и все богатство, неисследимая полнота и сила его впервые открывается в семье, как своем высшем цветении и выражении. Еще иначе выразим это: вне семейной жизни нет и не может быть жизни пола, она может быть тогда только неправильной, искажающей нашу природу и нарушающей законы жизни. Путь чистоты до брака не есть только требование социальной морали, охраняющий семью, но он диктуется самой природой человека. Добрачная половая жизнь есть просто одностороннее и потому извращенное выражение пола и грозит опустошением души и искажением ее внутреннего строя. Мы коснемся этого пункта далее, но еще вернемся к вопросу о семье, в частности, к социальной стороне ее.

Семья образует некоторую социальную единицу: здесь как раз действует принцип — все за одного и один за всех. Если кто-либо в семье болен, то средства всей семьи тратятся на болезнь одного, и никому в голову не может прийти, что это неправильно. В семье может и не быть "общей кассы" (если зарабатывают несколько членов семьи), но сущность того порядка, который дан в семье, от этого не колеблется. Это социальное единство семьи не устраняет различия ее членов в их типе, в работоспособности, в здоровье: каждый трудится в меру его сил. Семья есть некая трудовая единица, а не просто общая и совместная жизнь. Но социальное единство не исчерпывается этой стороной: достаточно вспомнить о том, что есть "честь" семьи, которую блюдут все ее члены, чтобы понять, что принадлежность к семье, как к социальному единству, захватывает и душу, глубоко входя туда, как живой и питательный источник. Дети в семье не просто предмет забот и тревоги, но они дают семье новый смысл существования, являются источником радости и сил. Любовь к детям дает силы родителям переносить все невзгоды жизни, любовь к родителям светит детям всю их жизнь. Что может быть ближе для каждого человека его матери, его отца? А между тем новая жизнь приходит в мир именно через брак, через сближение двух полов. И это значит, что в семье, и только в ней, в глубине пола, открывается огромная творческая сила, которая вносит смысл в нашу жизнь. Не будь полового сближения, не было бы рождения детей; святость последнего, вся безмерная невыразимая радость от детей освящает по-новому смысл пола. Не следует думать, конечно, что пол в человеке раскрывается только в этом: то, что дают друг другу любящие муж и жена, есть тоже огромная неизмеримая ценность и сила — смысл пола открыт здесь и в эту сторону. Эти два "конца" пола в нас — образование семьи как социального целого, рождение детей, с одной стороны, и вся духовная содержательность и сила взаимной жизни друг в друге мужа и жены позволяют нам признать в поле начало света и творчества, правды и жизни.

Чтобы закончить рассмотрение этого вопроса, необходимо два слова сказать о монашестве. Монашество есть сознательный уход от жизни пола, и мы чтим монашество за эту его чистоту. Если это так, то не значит ли это, что семья и расцвет пола в семье есть все же низшая форма жизни? Не должен ли тот, кто ищет высшего и лучшего пути, остаться

навсегда девственным и жить вне пола? И не значит ли это, в свою очередь, что пол дан человеку в мучение и бремя, а не в жизнь и не в творчество?

Было бы огромной ошибкой так думать, и не только потому, что "гнушаться" полом, презирать его есть великий грех, осужденный Церковью, не только потому, что тайна брака "велика есть", что в браке подается особая благодать (а скверна не может принять благодать), что в семье осуществляется "малая церковь". Уже эти соображения освещают возвышенный религиозный смысл брака, и эта точка зрения потому здесь важна, что и монашество чтится именно за религиозную силу его. Но не только в силу религиозных соображений должны мы чтить святость брака и благоговеть перед тайной пола — но и само понятие о монашестве устанавливает это. Целомудрие монахов не унижает пол, а лишь показывает еще выше его нераскрытую святость, его прикрытость грехом. Не борьба с полом составляет смысл монашества, а борьба с грехом, и целомудрие, воздержание от половой жизни есть не цель, а средство борьбы этой. В монашестве люди ищут наилучших путей преодоления греха, и эта задача, одинаково стоящая перед всеми людьми, решается здесь, на путях отречения от всего мирского, не по презрению к миру, а в силу того, что тяжесть греховности особенно сильно падает на нас через мир. Кто ищет борьбы с грехом на этом пути, тот освобождается от прямого давления мира, но в своем иноческом пути он вступает в суровую косвенную борьбу с миром уже внутри самого себя. Заметим тут же, что пребывание в браке тоже ставит задачу борьбы с грехом, только здесь, при единстве целей, имеются в виду другие средства. В монашестве нет власти мира над человеком, но внутри человека вспыхивает новая борьба с миром. Все, кто ищет правды, вступают в борьбу с миром — одни, оставаясь в миру, другие, уходя из мира. Борьба с миром, вернее с началом греха в мире, есть задача, стоящая перед каждым человеком — и те, кто уходит в монашество, и те, кто вступает в брак, одинаково стоят перед этой задачей, но идут к решению ее разными путями. В частности, в монашестве не снимается тайна пола, не утихает жуткое пламя, которое томит и искушает в монашестве. Быть может, вся жуткая сила и вся глубина пола еще яснее в монашестве, чем в семье. Смысл монашества заключается в подвиге распятия своей плоти не из презрения к плоти (это грех и ересь), а ради торжества духовного начала в человеке над плотью. Но та же задача стоит и в браке только в другой своей стороне. Брак не только половая жизнь — это большой и сложный духовный путь, в котором есть место своему целомудрию, своему воздержанию. Там, где половая жизнь занимает слишком большое место, там семье угрожает опасность ухода в сексуальность, т.е. там снова воскресает та двойственность, которая присуща юному возрасту — задача семьи, как целостной жизни на основе пола, остается нерешенной. Монашество есть борьба за духовную жизнь, но и в семье тоже должно всегда стоять на страже интересов духовной жизни. Как только в семье пустеют духовные связи, она неизбежно становится простым половым сожителем, спускаясь иногда до настоящей проституции, принявшей легальную форму. Искажения семьи, нарушение ее законов есть факт трагического порядка — путь семьи поэтому нелегок, он состоит не в узаконенности одного полового сожителства, но в устроении целостности общей жизни и в охране ее. Пол не может и не должен жить в нас отдельной, самостоятельной жизнью, но должен быть включен в целостную общую жизнь. Путь семьи есть путь восстановления этой общей целостной жизни, завещанной Богом человеку еще при сотворении его, путь же монашества есть не устранение пола, а лишь победа над грехом через подавление жизни пола. Поэтому не перед всеми и открыт путь монашества, а лишь перед теми, в ком нет особой склонности к семье, или перед теми, кто испытал семейную жизнь, лишился в силу смерти того, с кем был связан в браке.

В монашестве, в девственности становится ясным вторичное значение сексуальности: она не просто подлежит здесь затиханию, но в процессе сублимации возвращается к человеку уже в новой функции. В этом смысле надо сказать, что затихание сексуальности, когда оно соединено (как в монашестве) с духовной жизнью, обогащает нашу душу — и те

высокие перспективы духовной жизни, то сияние, которое исходит от людей, отошедших от сексуальности, связано обычно с ростом любви к людям. Даже когда затихание сексуальности является вынужденным, оно духовно обогащает человека, — и в свете этого, особенно в свете того откровения о человеке, какое дано в чистоте девственности, становится ясным положение, о котором мы уже говорили: последняя основа пола есть сила творчества. Она проявляется нормально в здоровой духовно семье, еще ярче выступает она там, где сексуальность отгорела, затихла, где девственность не ослабляет личность, а наоборот открывает ей новые пути, новые силы для творчества.

Все это до конца дорисовывает перед нами жизнь пола, путь его устройства, вскрывает всю глубину тайны пола в нас. К полу в себе нельзя относиться легкомысленно, надо беречь его тайну, искать правильного устройства его и бояться всякого извращения или легкомысленной игры с полом. К беглому обзору этих опасностей пола мы и перейдем сейчас, чтобы еще с этой стороны осветить наш вопрос.

ГЛАВА III

В предыдущих главах мы говорили о том, как следует мыслить правильное устройство жизни пола: перед нами открыты либо путь чистоты и девственности, либо семейная жизнь. Вне семьи не должно быть никакой половой жизни, она должна вне семьи сжаться и затихнуть — будет ли то уход в монашество или вынужденная одинокая жизнь, неудачи в устройстве семьи. Требования гигиены совпадают здесь с требованиями морали и тем более с требованиями христианского сознания: всякая внебрачная половая жизнь может дать удовлетворение только временно, — если не всегда на путях лжи, то всегда на путях греха. Действительно, внебрачная половая жизнь есть торжество чистой сексуальности за счет духовной стороны, в частности, за счет тех радостей и творческой силы, которая вытекает из переживаний любви. Таковы указания социального знания, психопатологии, таковы категорические указания морального и религиозного сознания.

Но осветив вопрос с принципиальной стороны, мы не можем не спросить себя: а как же дело обстоит в реальной жизни? Оправдывает ли реальная жизнь те принципиальные положения, которые мы развивали до сих пор? Нельзя не признать, что действительность дает нам грустную картину все возрастающего ослабления семейных отношений, упадка семьи, картину такого искажения и разрушения "великой тайны семьи", что неизбежно встает вопрос: куда же движется современная жизнь в этом направлении? Неудачные браки, бесконечно умножившиеся разводы, частое нарушение одним из супругов, а то и обоими чистоты брака, умножение фактов случайного или кратковременного сожительства, тяжкие последствия всего этого на детях, на молодом поколении, все это вызывает нередко отрицание брака, боязнь его. Особенно часто встречается это у девушек: наглядевшись в чужой или даже в своей собственной семье на то, что реально представляет семейная жизнь, они чуждаются брака, боятся выходить замуж, готовы идти, пожалуй, на внебрачное сожительство, чтобы при первом, однако, конфликте бросить своего сожителя. Естественно, что в таких случаях избегают иметь детей, идут на аборт, не отдавая себе отчета, к каким тяжким заболеваниям это обычно приводит позже. Та характеристика брака, семейных отношений, которая была дана в предыдущей главе, кажется ныне устарелой сентиментальностью, не соответствующей реальным условиям жизни. Брак все больше дискредитируется в молодых поколениях — и в связи с этим все более возрастает культ внебрачных связей; легкомысленное отношение к половым отношениям порой облекается даже в форму некой "идеи", высшего изящества ("поэзия изящной безнравственности", как говорил русский мыслитель К.Леонтьев). Неудивительно, что на этой почве торжествует тот легкомысленный эпикуреизм, который не хочет ни к чему подойти серьезно, смеется, когда встает речь о "высших ценностях", цинически срывает "маску добродетели", как принято выражаться, чтобы провозгласить безграничную свободу в половой жизни. Все это не клевета на современность, не придирчивое морализирование, а скорее ослабленная характеристика того кризиса семьи, который развивается все сильнее и глубже в современной жизни. Но именно этот кризис семьи не ставит ли под сомнение все то, что говорилось выше о правильном устройении жизни пола, именно в семье? Чтобы ответить на это сомнение, мы должны войти несколько подробнее в анализ тех трудностей, которые дают на семью и искажают семейную жизнь.

* * *

Прежде всего, надо категорически подчеркнуть, что здесь наименьшее значение должно приписать все возрастающим экономическим трудностям. Достаточно указать на то, что чаще всего встречаются еще и ныне здоровые семьи, не знающие никакого кризиса, как

раз среди простого народа, экономические трудности у которого, конечно, несравненно сильнее, чем в высших слоях общества (чиновники, интеллигентные профессии и т.д.). Как бы ни были действительно тяжелы экономические условия жизни (которые для семьи особенно тяжелы в случае болезней детей), как бы ни сгибались люди под тяжестью этого креста, но крепкая семья переносит эти испытания как единое целое. Муж, жена, дети — в нормальных условиях — становятся при этом не дальше друг от друга, а наоборот, становятся ближе друг к другу. Все вместе несут этот крест — и взаимная привязанность, сколько бы ни отравляли ее внешние невзгоды, становится лишь глубже и крепче. Все основные трудности семейной жизни, ныне приведшие к глубокому кризису семьи, лежат, очевидно, не вне ее, а в ней самой — в личности людей, соединившихся в семью.

Семейная жизнь, мы уже говорили об этом, имеет в себе три стороны: биологическую ("супружеские отношения"), социальную и духовную. Если "устроена" какая-либо одна сторона, а другие стороны либо прямо отсутствуют, либо находятся в запущенности, то кризис семьи будет неизбежен. Оставим в стороне случаи, где женятся или выходят замуж ради денежной выгоды, где на первый план выдвигается социальная сторона — нечего удивляться, что такие браки "по расчету" (кроме тех редких случаев, когда через общую жизнь все же разовьются здоровые, семейные отношения), увы, постоянно ведут к супружеской неверности. Брак не есть и не может быть только социальным сожителем — он есть и половое и духовное сожителем. К сожалению, и раньше, и ныне при заключении брака социальный момент играет руководящую роль; утешают себя и вступающие в брак, и их родные тем, что "стерпится-слюбится". Да, иногда это оправдывается, но до какой степени ныне это редко! В пьесе Островского "Гроза" очень ярко изображена та трагическая западня, которая создается самими условиями такого брака и которая беспощадно поступает с теми, кто в нее попал. Чтобы нести крест совместной жизни с нелюбимым человеком, чтобы не поддаться искушению сойтись с кем-нибудь тайно и тем нарушить долг верности, нужно много силы. Верность есть великая сила, скрепляющая семейные отношения, но она не может питаться только одним чувством долга, одной идеей верности: она должна иметь опору в живой любви. Еще в Ветхом Завете была выставлена заповедь: "Не пожелай жены ближнего твоего", и эта заповедь должна ограждать брак. Между тем люди позволяют себе увлекаться чужими женами, чужими мужьями — и здесь заповедь верности приходит слишком поздно, звучит отвлеченно и бессильно. Если даже супружеская верность остается ненарушенной, то все равно семейная жизнь уже разбита. Иногда муж и жена блюдут верность (хотя их сердце уже ушло из семьи и прилепилось к кому-то вне ее) "ради детей"; отчасти их жертва в таких случаях оправдана (пока дети не узнают правды), но все равно семейная жизнь здесь уже по существу разрушена, ее живительный огонь потух, в семье холодно, пусто, мучительно. Дети всегда очень страдают в таком случае — им не хватает необходимого тепла, не хватает того, чего бессознательно они ждут от семьи, от родителей. Поскольку кризис семьи возникает здесь на почве того, что люди сошлись в брак, не чувствуя друг к другу любви, постольку выхода нормального здесь быть не может. Распад семьи есть трагедия для детей, глубокая рана в моральной и особенно религиозной сфере в их душе, сохранение же целостности в такой семье, где все потому пусто, что и цвести нечему было, тоже трагедия и для детей, и для родителей. Именно об этой охлажденности в семьях хорошо говорил Розанов, характеризуя наше время как время "обледенелой" цивилизации.

Предпосылкой брака должно быть взаимное влечение — таков как будто итог этих замечаний. Итог, конечно, верный, но он не охватывает с достаточной полнотой тайну брака. На каждом шагу мы имеем случаи, когда люди сходятся в браке, потому что "влюбились" один в другого, но как часто и такие браки бывают непрочны! В чем же тут дело? "Влечение" есть явление сексуального порядка, и влюбленность, которая может быть при этом, действительно, является "фиговым листочком". Часто называют такую влюбленность

"физиологической", т.е. целиком связанной с сексуальной сферой, и если иногда на этой почве может все же развиваться настоящая любовь, то ведь такая "удача" встречается слишком редко в наше время. В прежнее время, когда сознание не было столь насыщено, столь отравлено защитой "свободной" любви, когда вся духовная атмосфера была хоть и более суровой, но и более моральной, тогда в идее креста обе стороны принимали случившееся сожительством всерьез и на этой почве хранили чистоту брака. Это было тускло, бесцветно, но духовно крепко. Ныне же, когда "физиологическая влюбленность" стихает, люди, сошедшие в брак, либо нарушают верность, сохраняя внешне брачные отношения, либо разводятся. Распушенность в этом направлении доходит сейчас до невероятных размеров; легкомыслие при заключении брака переходит в легкомыслие при разводе, и в таких случаях надо радоваться, если нет детей. Но если есть дитя или дети — на какие страдания обречены они! В семье, где между родителями не только все опустело, не только царит холод, но подчас развиваются крайне враждебные отношения, переходящие в ссоры, ругательства и оскорбления, дети либо душевно сжимаются, становятся тупыми, ко всему безразличными, либо рано впадают в цинизм, не признают ничего святого, не верят никому и ничему...

Для того чтобы семейная жизнь была не просто "сносной", но и духовно здоровой и питательной, для этого нужно не одно влечение, не одна "физиологическая влюбленность", а настоящее увлечение, переходящее в любовь. Иначе говоря, только сочетание сексуального влечения и движений любви (эроса) обеспечивают нормальную семейную жизнь (говорим сейчас о сфере пола): при отсутствии "влечения" становится трудным супружеское сближение, а при отсутствии любви, когда выступает на первый план (даже взаимно) чисто сексуальное влечение, семья будет непрочной: угаснет "страсть", ослабеет сексуальное влечение — и супруги неизбежно переживут в острой форме их внутреннюю чуждость друг другу.

Тайна брака поистине велика. Два человека, жившие до вступления в брак своей особой жизнью, имевшие уже сложившиеся привычки, взгляды, имевшие каждый в отдельности своих друзей, приятелей, вступив в брак, начинают жить общей жизнью. Это, конечно, не может быть легко сразу — нужно много идущих от любви усилий для взаимного приспособления, для уступчивости и для умения находить пути жизни, не тягостные ни для одной стороны. Когда в сердце есть любовь, тогда, конечно, все становится легче, естественнее, но если налицо не любовь, а "физиологическая влюбленность", чисто сексуальное влечение друг к другу, тогда временно обе стороны идут на уступки, как бы закрывают для себя все трудное в другом человеке — чтобы, проснувшись от "угара страсти" пережить острое отталкивание друг от друга.

Огромным препятствием для нормальной жизни (часто и при искренней любви друг к другу), может оказаться то, что у вступивших в брак была уже добрачная половая жизнь (что обычно и бывает у мужчин, реже у женщин). Трудно молодой женщине, которой муж рассказал, как он жил до брака, без отвращения и ужаса перенести это. Тень добрачных связей никогда не может быть снята; душа того мужчины, который жил добрачной половой жизнью, помимо его воли, несет в себе следы этой добрачной жизни. Я не говорю сейчас о половых болезнях, которыми муж неизбежно заражает жену; все современные средства, применяемые, например, для излечения сифилиса, не могут окончательно устранить из организма тот яд, который в нем осел. Французский психиатр Шарко имел хорошую привычку водить молодых студентов в клинику венерических заболеваний, чтобы они навсегда запомнили те ужасы, на которые часто бывают обречены сифилитики. Об этих тяжелых последствиях добрачной половой жизни не буду распространяться, как не остановлюсь подробно и на тех извращениях, которые приобретаются иногда в добрачной жизни и от которых потом страдают жены. Гораздо серьезнее то, что в добрачной половой жизни изнашивается организм: сексуальная жизнь, не связанная с любовью, с семейным

очагом, с детьми, берет гораздо больше сил, чем нормальные супружеские отношения в браке. Но самое тяжкое, что несет с собой добрачная половая жизнь, это те раны, которые наносит своей жене муж, живший добрачной половой жизнью. Не очень многие женщины могут простить (по-настоящему) своим мужьям то, что они сближались с другими женщинами до них — это вызывает у них глубокое отвращение, порой озлобление и ненависть. В начале XX века в европейской литературе очень прошумела одна пьеса Бьернстерне Бьернсона ("Перчатка"), пьеса, посвященная этой теме. Несколько позже в австрийской литературе появилась повесть под названием "Одна за многих", где рассказывалось, как одна молодая девушка, будучи уже невестой и узнав от любимого ею (и очень любящего ее) жениха исповедь о его добрачных связях (этой исповедью он искренно хотел покончить со своим прошлым), не вынесла той скорби и тяжести, которая легла на ее душу и раздавила нежный цветок любви. Она покончила с собой, как "одна за многих", чтобы сказать всем молодым мужчинам о том отвращении и ужасе, которые наполняют чистую девичью душу при знакомстве с тем, как мужчины живут до брака. Добрачная распущенность не только ужасна и омерзительна для девушек, но она вызывает глубокий кризис в их восприятии жизни. Они не могут вместить, не могут понять, как можно без любви и увлечения приближаться к женщинам, которых принято называть "продажными" (хотя эти несчастные жертвы современных нравов большей частью не виноваты в том, что стали "публичными" женщинами). Нельзя не разделить того глубокого движения души у Раскольниковова, который поклонился в ноги Соне Мармеладовой, оставшейся чистой в душе, хотя жизнь заставила ее "продавать себя"...

Отчего и зачем вступают молодые люди на путь добрачной половой жизни? Чаще всего их завлекают на этот путь дурные товарищи, бывают случаи, когда соблазняют дурные женщины; иногда (может быть, очень часто) падение юношей совершается в состоянии опьянения. Л.Толстой рассказывает где-то, что одна его тетушка советовала ему вступить в связь с женщиной "comme il faut", имея, очевидно, в виду то, чтобы приучить его к деликатному обращению с женщинами при половом сближении... О последнем надо сказать (и это уже много раз указывалось в психопатологии, а также хорошо известно священникам по исповедям), что половое сближение в браке проходит сначала очень трудно для девушки, вступившей в брак, и со стороны мужа нужна действительно сугубая деликатность, чтобы не вызвать тяжелых переживаний у жены. Эти тяжелые переживания часто кладут начало роковому процессу в женщине, которая получает благодаря этому отвращение, боязнь полового сближения. Отсюда (в значительнейшей части) и рождается пресловутая "холодность женщин", мешающая брачным отношениям и нередко ведущая к разрыву. Но если действительно так нужна особая деликатность и чуткость, когда муж и жена впервые приближаются друг к другу, то совет тетушки Л.Толстого дает хороший пример того, как толкают старшие свою молодежь на добрачную жизнь. Постоянно приходится встречаться со случаями, когда отцы говорят своим сыновьям, когда они достигают известного возраста, что им пора "иметь женщину". Особенно странно и даже жутко бывает узнавать, что какой-нибудь молодой человек любит какую-то девушку, "ухаживает" за ней и собирается на ней жениться — и в то же время живет в смысле половой жизни с какой-то другой женщиной. В сущности это есть настоящее воровство — такой юноша крадет у своей будущей жены то, что может принадлежать только ей.

Конечно, огромное значение в том, что юноши вступают на путь добрачной половой жизни, принадлежит здесь влиянию искусства, особенно современного. Искусство словно ставит своей целью раздражить половое влечение у читателя или зрителя и в то же время соблазнить его на путь внебрачной связи. Искусство давно уже занято этим — и придет ли этому когда-нибудь конец? — Нарушение семейной верности, всякого рода "адаюльтеры" изображаются так, словно это "естественно". Даже у Толстого в "Анне Карениной" высокодобродетельный Каренин изображен так, что читатель чувствует к нему отвращение,

а нарушившая супружескую верность его жена, помимо воли художника (ибо Толстой все сделал, чтобы подчеркнуть безнравственность Анны Карениной), вызывает к себе чувство глубокой симпатии. Впрочем, эта симпатия относится не к нарушению верности ею, а к тому, что она была глубоко несчастна. Когда Вронский добился половой близости с ней, когда Анна, долго противившаяся этому, наконец уступила, она горько и безутешно плакала — и этого читатель не может забыть.

Да, поэзия "изящной безнравственности" играет роковую и страшную роль в соблазнах, которые со всех сторон поджидают нашу молодежь. Воображение юношей и девушек очень рано уже загрязнено, и на почве того неизбежного уже у подростков расхождения сексуальности и эроса, о котором мы говорили в первой главе, загрязнение воображения становится очень опасным. Да дело и не в одном только загрязнении — воображение вообще слишком глубоко связано со всей нашей эмоциональной сферой, а следовательно, и со сферой пола, оно в этом отношении двусмысленно, т.е. легко из воображения, подсказанного чистой потребностью любви, оно становится сексуальным воображением. А сексуальное воображение всегда нечистое воображение: оно оголяет и обнажает те сексуальные порывы, которые являются нормальными и здоровыми лишь тогда, когда они включены в целостную семейную жизнь. Отделенные же от этой целостности (благодаря вмешательству воображения) сексуальные порывы нарушают основную норму жизни, а воображение, заполненное сексуальными темами, становится проводником отравы. Между прочим, в развитии тайного порока у мальчиков воображению тоже принадлежит огромная роль, и кто хочет бороться с тайным пороком, тот не должен питать сексуальное воображение, а должен приостанавливать его работу. В этом отношении современная литература оказывает губительное влияние на молодые души, заполняя их сексуальное воображение разными картинками, раздражающими движения пола.

Не следует ли отсюда, что с воображением нужно бороться вообще, быть может, подавлять его еще в детстве? Такой выход был бы тоже ошибочным, ибо сила и влияние чистого воображения столь значительны и ценны, что без них тоже трудно идти путем устроения своей духовной жизни. В католической аскетике воображение признается одной из главных действующих сил, с чем мы, православные, уже не можем согласиться, так как верховным принципом духовного здоровья признаем мы начало "трезвости", как это у нас называется. Это начало "трезвости", ясность и просветленность сознания ставит границы воображению, без чего в духовной жизни становится очень близка опасность "прелести", как говорят в аскетике, т.е. незаметного поклонения лжи и неправде. Но если православная аскетика наша ставит границы воображению, поскольку оно направлено на горнюю сферу, на сферу святости, то все же воображение отнюдь не признается опасной и жуткой силой, если оно имеет чистый характер. Как раз сила эроса, действуя на воображение, придает ему этот характер чистоты, быть может, даже некоторой (романтической) отрешенности. Именно у подростков их романтическое воображение не только свободно от всякого налета сексуальности, но и прямо чуждается, отвергается от всякого намека на сексуальность. Одностороннее, безграничное развитие такой романтической отрешенности тоже становится опасным, создавая чрезвычайную мечтательность и фантастичность, которые (особенно у девушек) ведут часто, при прикосновении к реальной жизни, например, при образовании своей семьи, к тяжелым, порой непоправимым трагедиям. Одностороннее развитие романтического воображения имеет свои опасные стороны, как опасно и одностороннее развитие сексуального воображения. Но именно потому и необходимо не отбрасывание силы воображения, а правильная культура ее. Ввиду того распада целостной сферы пола на сексуальность и эрос, который является естественной болезнью юности, необходимо всячески стремиться к тому, чтобы воображение оказалось на стороне эроса, а не сексуальности.

Я придаю такое огромное значение в жизни пола, в устройении или нестройении ее именно воображению, что считаю полезным немного остановиться на анализе его. Для ясности картины я воспользуюсь одним литературным материалом, а именно рассказом Тургенева "Фауст", который очень тонко и глубоко подходит к вопросу, нас занимающему. В этом рассказе идет речь о девушке, которая никогда не читала романов, занимаясь исключительно естествознанием. Она вышла замуж, имела детей, но по-прежнему оставалась чужда всему миру фантазии. Когда ей пришлось впервые познакомиться с "Фаустом" Гете, а потом с другими поэтическими произведениями, она была потрясена всем этим новым миром поэтических образов, в ней проснулись какие-то силы, оставшиеся без движения в ее душе. К этому присоединилась неожиданно вспыхнувшая в ней любовь к человеку, который познакомил ее с миром поэзии. И героиня рассказа, переживая очень глубокую внутреннюю драму, не выдерживает ее, заболевает горячкой и умирает. Смысл этого замечательного рассказа чрезвычайно важен для нас. С одной стороны, мир поэзии, вообще мир искусства включает в себе несомненный яд, преодолеть действие которого душе очень трудно. Душа Веры (героини рассказа) оставалась бы чистой, не загорелась бы любовью к чужому человеку, не коснись ее ядовитое дыхание поэзии, которое пробудило в ней потребность в таких переживаниях, каких не дала ей жизнь. Так была подготовлена в душе ее "измена" мужу — в ней заговорили те силы души, которые не были использованы семьей, и тот, кто вызвал к жизни эти силы, тот стал для нее дороже мужа. На этом примере достаточно видна не только огромная сила воображения, но и вся его безудержность, неукротимость. Если даже такой чистый человек, как Вера, бывшая уже матерью, пробудившись для жизни в воображении, не смогла выдержать страстного порыва в себе, то что же говорить о тех, кто в юные годы отдается фантазии? Воображение является жуткой, опасной силой в нас не только потому, что мы не в состоянии регулировать ее, но и потому, что для воображения нет границ, что мы теряем чувство реальности, теряем подсознательный контроль инстинкта самосохранения, отдаемся нашим порывам, как бы упиваемся ими. Да, неправильное развитие воображения, отрывая нас от действительного мира, может привести к потере психического равновесия. Эта власть воображения тем более опасна, что она в то же время дарит душе высшую усладу. Эстетические переживания, услаждаясь которыми душа восходит до несравнимых переживаний радости, не могут быть доступны душе, если не действует в нас воображение. С другой стороны, в деятельности воображения есть всегда хоть малая доля этого эстетического упоения: достаточно вспомнить сладость мечтаний.

Воображение есть огромная творческая, но и жуткая, и страшная сила души. Но нет другого способа овладеть им, как только давая верное движение ему. Подавлять работу воображения опасно, а часто и невозможно — его нужно лишь правильно развивать. Надо дать воображению чистое и светлое движение — и как раз искусство, по существу своему, может сообщать воображению эту возвышающую и светлую силу. Еще Аристотель учил об очищающем действии искусства, и это верно в том смысле, что светлые образы, создаваемые искусством как вечные спутники, всегда зовут нас к тому, что чисто, изящно, благородно. Приобщаясь к миру искусства, мы вводим вообще в нашу душу то великое начало ритма, которое облагораживает и тело, и душу, освобождает нас от всего грубого, темного и зовет нас к красоте, к преображению нас. Однако в искусстве, как мы его находим и в современности, и раньше, всегда есть много и двусмысленного — этого отрицать не следует. Именно поэтому и действие искусства в нас двойственное: оно возвышает душу, но оно же вносит и яд в нее. Это надо прямо признать, но надо иметь при этом в виду, что путь человека во всем идет не так, чтобы нам проходить мимо зла (что невозможно, ибо зло входит в самую душу нашу), а в том, чтобы отвергнуть зло, чтобы сознательно и свободно выбрать добро. Зло, струящееся через искусство в душу, легче отразить, чем зло в жизни, и если искусство включает в себе яд, то в нем же самом дано и противоядие — а душа должна

выбрать, что она предпочитает. Поэтому не только невозможно, но и не нужно подавлять воображение — нужно лишь помочь душе преодолеть соблазн зла и полюбить добро.

С культурой воображения очень связана так называемая сублимация, которая подхватывает движения эроса и переводит их в высшие формы. На сублимации основана вся тайна воздержания и, следовательно, и девственности: та "игра" пола, избежать которой не дано никому, может быть трансформирована в высшие движения, "сублимирована" (поднята). Много ценного на эту тему можно найти в книге проф. Вышеславцева "Этика преображенного эроса" где о "преображении" эроса, о путях сублимации сказано много верного. Но если верно, что "прекрасный образ" отрывает нас от сексуальности и может увлечь наш дух на высоты, тем самым переводя половую энергию в энергию пола, т.е. в резервуар творческих сил в человеке, то не нужно забывать, что здесь всегда неизбежен и нужен некий духовный труд — часто очень тяжкий. Отрываться от тех "наслаждений", которые сулят нам сексуальные порывы, всегда бывает трудно и даже мучительно. Аскетика всех веков накопила огромный опыт тех трудностей, с которыми приходится преодолевать сексуальные соблазны: уже простой "помысел", простой образ, таящий в себе возможность сексуального возбуждения, обладает большой силой. Поэтому в борьбе за "преображение" эроса борьба с помыслами получает чрезвычайное значение. Надо только держать в сознании ясно, для чего нужно подавлять в себе помыслы сексуального характера. И конечно, идеал чистоты, воплощенный в святых, помогает нам бороться в себе за чистоту, за "преображение эроса", т.е. за сублимацию сексуальных движений.

Тут снова приходится напомнить, что всякий духовный труд в нас связан (неисследимо для нашего сознания) с крестом. У каждого человека есть свой крест, т.е. есть свой путь восхождения к Богу, к Царству Божию. Крест не означает непременно страдания, но он неизбежно включает их в себя — эти страдания создаются той коренной расстроенностью всего нашего существа, которая именуется "первородным грехом", т.е. грехом не индивидуальным, даже не создаваемым условиями физической и социальной наследственности, а вытекающими из свойства природы нашей; естественно, что сфера пола более других (по связанности в ней тела и души) обречена на то, чтобы быть источником страданий. Никто миновать этих страданий из-за пола не может, но можно и должно их не только переносить, но и обращать их на добро и пользу. И тот духовный труд, который даже в самой благоустроенной семье нужен для регуляции "игры" пола, внутренне и определяется нашим крестом.

Ни в чем не сказывается это с такой силой, как в вынужденном безбрачии. Мы обозначаем этим именем те случаи, когда при всем желании создать себе семью — это не удастся. Мужчина, который по сложившимся социальным условиям имеет то преимущество, что он может проявить инициативу и делать "предложения" девушке, которую хотел бы взять в жены, если получит отказ, может перенести это спокойно и мужественно, пробовать искать других путей женитьбы. А девушки, лишённые инициативы (не могут же они предлагать себя в жены!), часто так и остаются в девичестве или потому, что те, кто им по душе, ими не интересуются, а интересуются ими те, кто им не по душе, или по другим причинам. Так или иначе бывает безбрачие вынужденное — без всякой склонности к монашеству, где безбрачное состояние определяется тяготением к одиночеству, к половому воздержанию. Безбрачие, вытекающее из стремления к монашеству, есть некая лестница восхождения к высшему званию, и здесь борьба с полом становится одной из тем духовной внутренней жизни. Сублимация половой энергии, неизбежно накапливающейся в теле, хотя и трудна, но осуществима именно на путях устремленности ввысь. Здесь действительно происходит "преображение эроса"; самый крест борьбы с половыми движениями становится частью общего креста, борьбы с "ветхим человеком" в себе. Все ударение, весь динамический заряд связан здесь со свободным устремлением ввысь, что и заключает в себе огромную духовную энергию. Не говорим уже о том, что, попадая в монастырь с вековым

укладом размеренной, ритмически построенной церковной жизни, те, кто вступает на путь монашества, находят в этой церковной жизни, с ее ритмами, правилами, обязанностями огромную психическую поддержку.

Но девственность вынужденная, не добровольная, не находящая никакой поддержки в душе, не создает ли новые мучения — не только не ослабляя давление пола, а наоборот, его усиливая, ибо душа жаждет половой жизни и томится от этой жажды. Вынужденное безбрачие не ставит ли по-новому вопрос о внебрачном сожителе, не оправдывает ли случайные и неслучайные связи?

Но надо иметь в виду: только в брачной жизни удовлетворение сексуальной потребности не вносит никакой лжи, никакой дисгармонии, а все внебрачные отношения неизменно включают в себя ложь, неизменно вносят дисгармонию. Надо потерять стыд, чтобы не чувствовать тяжесть в душе, когда люди тайком или путем всяких искусственных комбинаций "устраиваются" с чужими женами. Или — что бывает реже, но, увы, все же случается — когда молодые люди сходятся с девушками, на которых по тем или иным причинам не могут, да и не хотят жениться. Вся эта сеть лжи, неправды, всяких искусственных мер и т.д. неизбежно отравляет души, что бы ни говорили себе те, кто становится на этот путь. Из вынужденного безбрачия есть лишь один нормальный выход — брак; даже "неудачная" семейная жизнь, полная разных трудностей и терзаний, для сферы пола дает то, что ей нужно. Если только обе стороны в таком "неудачном" браке несут мужественно свой крест и стремятся скрасить друг другу тяжкую жизнь, открывшуюся им в браке, то бремя такого брака понемногу становится легче и выносимое.

Вынужденное безбрачие обрекает, конечно, на тяжкую борьбу с самим собой, но есть путь, на котором эта борьба действительно облегчается — это сблизиться с какой-либо семьей, где есть дети. Чужие дети становятся для нас нашими, собственными; радости чужой семьи питают душу, ее скорби заставляют прилагать усилия к их ослаблению. Многовековой опыт показал, что на этом пути вынужденное воздержание становится выносимо и создает ту сублимацию половой энергии, которая освобождает и тело, и душу от терзаний и беспокойств.

Как мы видим, нет иного пути в устроении жизни пола, как брачная жизнь или полное безбрачие (монашество или вынужденное безбрачие).

Но есть в жизни пола еще несколько темных сторон, которых мы должны коснуться, чтобы не обойти и эти трудности. Все они являются извращениями, т.е. нарушением естественных норм половой жизни, и среди этих извращений мы остановимся только на двух, неравноценных, впрочем, по своему значению во внутренней жизни. Оба типа извращения возникают только у мужчин, — и это снова показывает особые трудности мужской натуры в сфере пола.

Скажем несколько слов о так называемом тайном пороке, которым страдает подавляющее большинство подростков. В огромной части молодые люди, вступающие на путь полового сожителе с женщиной, обыкновенно освобождаются от такого порока, но бывают случаи, когда, уже находясь в браке и имея нормальную половую жизнь, некоторые мужчины не перестают страдать тайным пороком — такова бывает сила привычки.

При всей неестественности и внутренней отвратительности тайного порока он не был бы слишком опасен, если бы не то, что здесь нет никаких внешних границ в злоупотреблении им, а еще больше то, что, став привычкой, он тянет к себе даже и тогда, когда он непереносимо мучителен и даже омерзителен. Когда окрепнет привычка к тайному пороку, то самая тяжелая сторона в нем заключается как раз в том, что подросток чувствует себя во власти какой-то роковой силы, которую он не может победить. Это создает неуверенность в себе, а потому и подозрительность к другим (подростку кажется, что и другие его не уважают), склонность к меланхолии, к апатии, упадок живой и творческой жизни. Все это, конечно, расстраивает душевное здоровье, а при неблагоприятной нервной

конституции подростка это может тяжело отразиться на психическом равновесии, иногда привести к настоящему душевному заболеванию. Вообще же говоря, между тайным пороком и психическими болезнями нет прямой и безусловной связи; надо признать прямо вредным тот, очень распространенный взгляд, согласно которому признается, что тайный порок неизбежно ведет к психическому заболеванию. Этот взгляд, будучи неверным, вреден и потому, что он лишь усиливает описанную выше психическую подавленность и не помогает подростку или юноше освободиться от дурной привычки, а наоборот, закрепляет ее, усиливая подавленность и создавая безнадежное настроение. Между тем тайный порок, как и всякая привычка, может быть побежден лишь при вере в себя, вере в возможность победы над привычкой: здесь особенно сильно проявляется творческое действие веры в нас. Врачи и педагоги часто рекомендуют ряд внешних средств — холодные обтирания, занятия спортом, погружение в умственную работу и т.д. Все это, несомненно, очень полезно, но решающее значение принадлежит готовности бросить порок, внутренней решимости освободиться от него. Как и во всякой борьбе с укоренившейся привычкой, не приходится рассчитывать на быструю победу: привычка, подавленная сегодня, заговорит с еще большей силой завтра или позже — тут нужна длительная, неустанная борьба. В сущности, силы привычки (всякой) не так велика, как кажется. Она создает очень острые точки, наполняющие душу жгучим желанием удовлетворения — но стоит пройти эти точки, как сила и давление этого жгучего желания совершенно пропадает. Сосредоточенность силы привычки в этих острых, мучительных точках показывает, что нужно продержаться лишь несколько трудных моментов — и победа обеспечена. Но для того чтобы устоять в эти мучительные точки, нужно иметь перед собой определенную, одушевляющую, дорогую задачу, ради которой душа действительно готова перемучиться. Искушение в эти мучительные точки так подчиняет себе, так зовет и смущает, что душа подростка часто не выдерживает, говоря себе: "Сегодня я еще не буду бороться, а вот уже завтра". Преодолеть это искушение возможно лишь во имя чего-либо определенного и ясного — и здесь возникает основной вопрос, на который каждый должен уметь ответить, а именно: "Для чего нужна, во имя чего нужна чистота?" — Только во имя отвлеченных законов морали и требований природы трудно бороться с искушениями. Легче всего справиться подростку с этим, найти мотивы чистоты в том случае, если он полюбил кого-нибудь. Он инстинктивно чувствует тогда всю ложь, всю неправду внешнего удовлетворения сексуальной потребности, инстинктивно сознает, что, любя какую-либо девушку, он не только душой, но и телом принадлежит ей. Есть какое-то воровство, какая-то глубокая, но бесспорная ложь в том, что, любя какую-либо девушку, подросток все-таки предается тайному пороку или половой жизни. Во имя любимой девушки, во имя своей любви к ней подросток должен оставаться чистым, и этот мотив чистоты действительно часто помогает молодым людям справляться с налетающими на них искушениями. Но недостаточность этого мотива видна из того, что он может действовать не у всех, а лишь у тех, чья душа охвачена любовью. Любовь нельзя в себе искусственно вызвать, она есть в том смысле "случайность", что не зависит от воли обоих любящих существ. Благо тем, чья душа живет любовью разделенной, не безответной — эта любовь явится для них творческой силой во всех отношениях, в том числе и в борьбе с пороком во имя чистоты. Но неужели для чистоты нет других мотивов, кроме мотива любви?

Вторым основанием чистоты может быть "блюдение самого себя", стремление идти путем правды и добра. Этот мотив сравнительно редко обладает достаточной силой — лишь немного натуры в силу присущего им дара стремятся к самосовершенствованию во имя самого же себя. Стремление к тому, чтобы стать лучше, подавить свои недостатки, есть, по существу, аскетическое стремление, которое наиболее сильно в нас тогда, когда перед нами сияет идеал, зовущий к себе. Это мы имеем в полной силе лишь там, где есть налицо религиозная жизнь, в которой мотивы чистоты получают особенно сильное выражение. Не во имя себя, не во имя одного самосовершенствования, но из любви к Пречистой Божьей

Матери душа стремится сама стать чистой. Правда Божия, подобно лучам солнца, освещает и пронизывает душу, и всякое темное пятнышко в ней томит и тревожит. Величайшее творческое значение для нас религиозной жизни заключено в таинстве покаяния - таинстве полного и действительного снятия с нас грехов, в глубоком очищении души от них. Если мы принесем Богу покаяние в наших грехах и получим через священника отпущение наших грехов — грехи наши отходят от нас, душа вновь обретает утерянную чистоту, обновляется и освобождается от всего, что ее брестило. Поэтому в борьбе с тайным пороком особенно велика помощь, оказываемая нам религиозной жизнью. С одной стороны, мотивы чистоты, заключенные в обращенности души к Богу, по силе своей превосходят все иные мотивы; творческий порыв души питается и согревается всей той святостью, которой мы поклоняемся, и никто не слабеет, а, наоборот, растет вместе с возрастанием в духовной жизни. С другой стороны, очищающая сила покаяния подлинно возвращает нам утерянную чистоту души, дает нам энергию, необходимую для того, чтобы побеждать искушения.

Другим гораздо более тяжким извращением является то, о котором говорит апостол Павел (Рим. 1,27), который теперь называют "гомосексуализмом". Надо бояться того, что порок этот гораздо более распространен, чем думают. Взрослые мужчины, страдающие этим пороком, ищут подростков и юношей, чтобы пользоваться ими для удовлетворения половой потребности. Еще греки страдали очень этим извращением ("педерастия"), которое, увы, достаточно распространено и в Западной Европе. Когда это извращение достигает известной силы, с ним, по-видимому, трудно уже бороться — тем более важно охранять мальчиков от покушений на них со стороны извращенных людей старшего возраста. Есть глухие сведения, что в закрытых мужских пансионах мальчики с развитой чувственностью стараются овладеть невинными младшими товарищами и приучить их к опасному пороку. Задача педагога заключается здесь в том, чтобы предупредить вовремя мальчиков от "ухаживаний" за ними взрослых, извращенных мужчин. Как всякое извращение, так и гомосексуализм, раз "присосавшись", с трудом отрывается, а в то же время медленно, но непременно происходит психическая деформация — именно потому, что гомосексуализм неестественен. От этой беды можно и должно предостеречь наших детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пол есть источник творческой силы в человеке, залог его "человечности", отличающей нас от ангелов. Как телесно-духовная функция он не тождественен с сексуальностью — и оттого мы и отличали энергию пола от половой энергии. Половое воздержание, сводящее на нет половую энергию, вовсе не убивает энергию пола, а наоборот, в путях сублимации переводит половую энергию в высшие, духовные формы. Но воздержание (вольное или вынужденное) всегда трудно и предполагает духовные усилия, без которых воздержание может перейти в нервное заболевание. И наоборот, когда воздержание сопровождается духовными усилиями, оно становится источником новых сил, залогом настоящего расцвета творческих данных в человеке. Вот отчего в девственности есть действительная красота и правда.

Однако девственность не должна покоиться на "гнушении" плотью, если кого влечет семейная жизнь и ее радости, если кто хотел бы иметь детей, такой человек имеет перед собой тоже путь праведности — честный брак. Это столь же законный путь жизни, как и девственность, и монашество. Основное в обоих путях — блюдение чистоты, ограждение воображения от всяких нечистых помыслов.

То "расщепление" движений пола, которое ведет к отдельному формированию сексуальности и переживаний эроса, совершенно законно в период полового созревания. Но эта "поляризация" половой силы не должна закрывать глаза на то, что основное проявление этой силы есть потребность любви, слияния в любви с тем, к кому обращена душа. Поэтому всякий "перевес" сексуальных движений (особенно, если нет налицо "объекта", к которому могли бы быть направлены движения любви) тревожен — и здесь нужно много трезвости в себе, много мужества в воле, чтобы не питать сексуального воображения.

Путь чистоты есть вообще путь целостной жизни, не знающей раздвоения сексуальности и эроса, и это значит, что настоящей чистоты можно достигнуть лишь в семейной жизни. В молодые годы пол бурлит и тревожит душу, то выдвигая на первый план сексуальные побуждения с острой и жгучей силой, то отвращаясь от них и уходя в "отрешенный" эрос, в романтику. Эта юная "неустроенность" пола, создающая неуравновешенность и противоречия в мятущейся юной душе, может быть опасна и даже мучительна. Но важно знать, что есть путь чистоты, и еще важнее знать, что "ошибки молодости" поправимы, если они омыты слезами подлинного покаяния. Пол может стать проклятием для нас, может стать причиной душевных и телесных заболеваний, источником жизненных трагедий, но он же может быть источником высших и лучших радостей, открыть душе возможность расцвета и выявления ее силы, может стать началом спасения и творческого преображения. Путь девственности и безбрачия, с одной стороны, и путь семейной жизни, с другой стороны, оба служат нашему спасению, оба дают простор творческим силам, заложенным в поле. Лишь бы твердо держать руль и направлять ладью жизни к правде и красоте. Лишь бы разуметь всем существом правду и неустранимость для каждого человека его креста — будь то путь безбрачия или путь семейной жизни. В несении креста — в формах, которые диктуются жизнью, т.е. на путях безбрачия или на путях семейной жизни и состоит творческая задача каждого человека.

Содержание

Предисловие ко второму изданию	2
ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА I.....	4
ГЛАВА II.....	11
ГЛАВА III.....	16
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	26